
Рисунок И. СЕМЁНОВА.

— Где же справедливость?! Все говорят, что я большой лодырь, а приусадебный участок мне отвели маленький...

КРОКОДИЛ

МОСКВА. ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 9 30 МАРТА (1443) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

— Дневную программу выполнила...

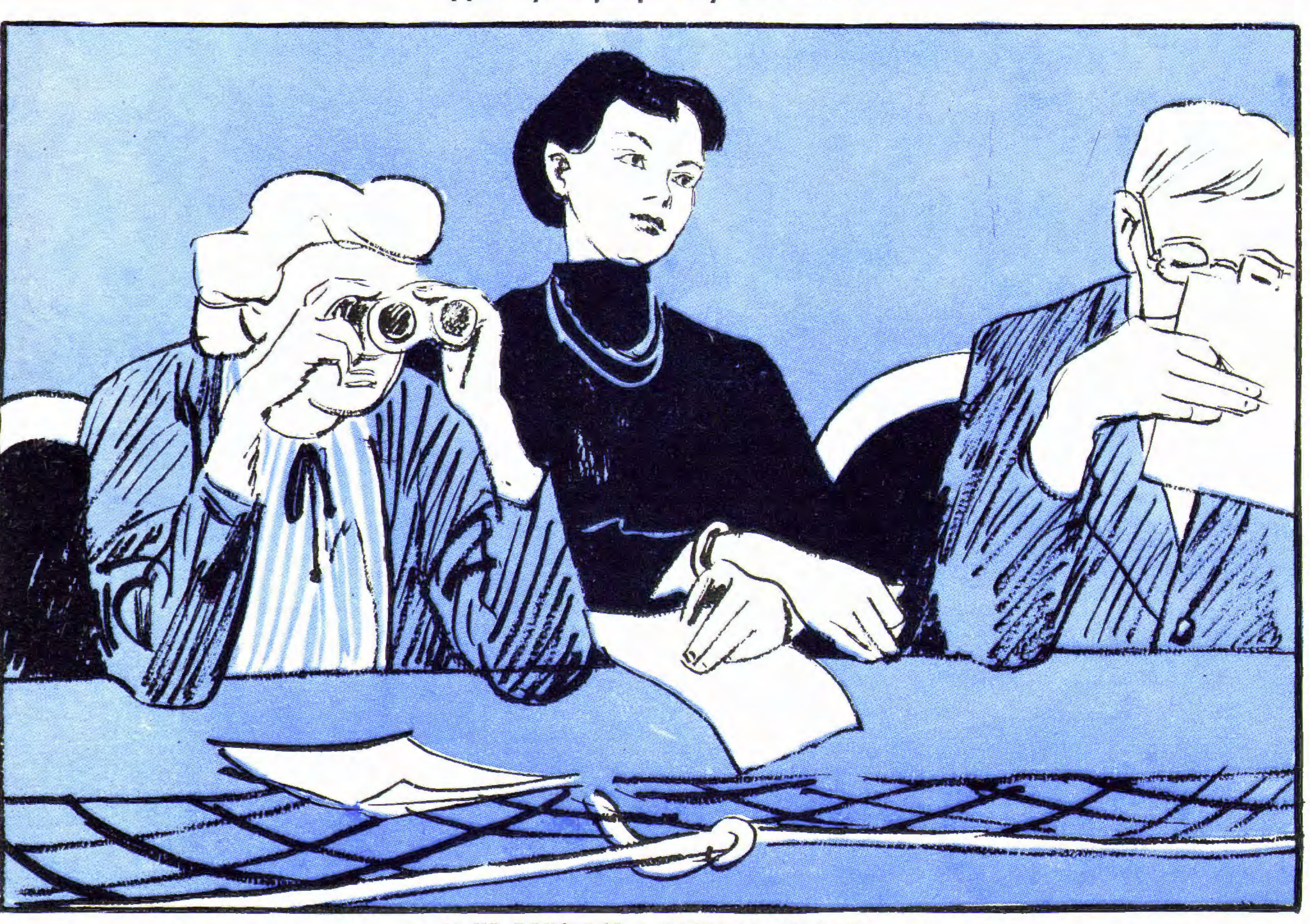

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

...и на вечернюю времени хватило.

В Уфе вышел новый сатирический журнал «Хэнэк» («Вилы») на башкирском языке.

В семействе нашем прибавленье.
Я от души сегодня рад
Твоё отметить появленье,
Мой сатирический собрат.

Я на учёт тебя беру
Как подкрепленье нашим силам.
Привет коллеге по перу,
Точнее говоря, по вилам!

Крокодил

Интервью Крокодила

ВОПРОСНИК АСПИРАНТА СУХОРУКОВА

Старый, годами проверенный метод подготовки диссертаций сдаётся в архив. На смену ему приходит новый, более прогрессивный метод аспиранта Пятигорского педагогического института П. Ф. Сухорукова.

— В чём сущность и преимущества вашего метода? — с таким вопросом обратился корреспондент Крокодила к аспиранту.

— Общеизвестно, — сказал Сухоруков, — что сочинение диссертаций — чрезвычайно трудоёмкий процесс. Порой на это уходят лучшие годы жизни. Я задумался над тем, как бы сократить сроки. Проанализировав труд знакомых мне диссертантов, я пришёл к скорбному выводу, что наибольшее количество времени они затрачивают на собирание фактов и материалов. Следующий этап — обобщение уже собранных фактов — при современной компиляционной технике не представляет особого труда.

Стало быть, передо мною встала задача избавить себя от наиболее тяжёлой части работы — собирания фактов. Тут на помощь мне пришла анкета. Самая обыкновенная анкета, которой так любят пользоваться многие наши организации. Вот образец вопросника, посланного мною партийной организации Куйбышевгидростроя:

«Прошу Вас сообщить необходимые мне краткие сведения...

Как использует Куйбышевгидрострой опыт волгодонцев?

По каким показателям и какие новаторские методы работы внедрены на Вашей стройке, особенно в работе:

экскаваторов,
земснарядов,
самосвалов,
бетонных заводов-автоматов?

Как распространяется и используется опыт комплексной механизации земляных работ и комплексного соревнования экскаваторщиков и шофёров по намыву плотины и пр.?

...Кем работают бывшие волгодонцы и как передают свой опыт?

Как использует Ваша парторганизация опыт Волгодонстроя — опыт партийно-политической работы и работы лучших механизаторов?»

Таким образом, — продолжал тов. Сухоруков, — послав партийной организации Куйбышевгидростроя небольшое оперативное задание, я избавил себя от скучной необходимости лично ехать на строительство.

Я убеждён, что коммунисты стройки самоотверженно поработают над моим заданием. Это сэкономит мне уйму времени. Если бы мне удалось ещё мобилизовать какую-нибудь организацию на научное обобщение и осмысливание собранных фактов, мой метод писания диссертаций можно было бы считать идеальным.

Корреспондент Крокодила поблагодарил тов. Сухорукова за беседу о том, как, шутя и играя, можно чужими руками писать свою диссертацию.

ПОЖАЛУЙСТА, ОСТОРОЖНЕЙ!..

Ну и денёк выдался! Одна неприятность за другой!

Едва вошёл тов. Волков поутру в свой кабинет, как над письменным столом осыпалась с потолка мелкая пыльца штукатурки. Правда, её было пока совсем немного, но Александр Кузьмич, слава богу, не профан какой-нибудь: он-то знает, чем это пахнет...

Не успел он распорядиться, чтобы стол переставили на всякий обвальный случай в зону относительной безопасности, появилось новое огорчение: телефонный звонок из школы № 5. Директор просил немедленно прибыть для объяснений по поводу...

Нет, нет, вы не так нас поняли! Александра Кузьмича приглашали в школу не как родителя, а как зодчего. И настроение управляющего трестом «Амурстрой» испорчено было окончательно. Опять, подумал он, начнутся жалобы, снова будут попрекать: вот, мол, выстроили вы нам школу меньше пяти лет назад, а на ремонт её ушло уже триста с лишним тысяч. И прочие обидные слова...

Отказаться от приглашения? Не отвяжутся! Пришлось поехать. И первое впечатление по прибытии на место оказалось истинно тягостным: ничего не понимающие в строительном деле школьники поднимались и спускались по лестничным маршам, как будто им делать больше нечего. Иные позволяли себе даже по мальчишескому легкомыслию бежать, и ступеньки буквально ходили у них под ногами. А не имеющий, видимо, сердца директор с показным гостеприимством приглашал тов. Волкова проследовать по этой же самой ненадёжной лестнице на следующий этаж.

— Только ступайте, пожалуйста, осторожней. А то, знаете...

— Знаю без вас!— огрызнулся Александр Кузьмич.— Давайте показывайте, что вам ещё не нравится.

Представьте себе, директору почти всё не нравилось. Его не устраивали ни колеблющиеся лестничные площадки, ни прогибающиеся полы. Он, видите ли, хотел бы, чтобы дверные коробки не выходили из проёмов, стены не косили, а с потолков не обваливалась глыбами штукатурка. И уж совсем бестактно напомнил:

— Я ведь вам говорил, что одна такая глыба нашей учительнице на голову свалилась? Несколько месяцев в больнице пролежала... А за перила вы, между прочим, не держитесь: чего доброго...

Управляющий трестом торопливо отдёрнул руку и, сославшись на внезапный острый приступ мигрени, начал прощаться. По лестнице он спускался со всей возможной осторожностью, мягко ступая на одни носки, а выйдя на улицу, облегчённо вздохнул. И только было подумал, что после такой передряги следует хоть немного отдохнуть, видит: подкатывает к подъезду машина, распахивается дверца, и представитель сельскохозяйственного техникума его приглашает:

— Пожалуйте! Правильно, значит, мне сказали, что вы тут. Вся комиссия уже в сборе.

— ...Ну что ж, начнём, пожалуй!— нехотя проговорил Александр Кузьмич, поздоровавшись с товарищами, которые собрались принимать его новое детище.

— Можно начать,— согласился директор техникума.— Только вы не туда идёте. Парадный подъезд заколочен, поскольку, видите, какие щели в дверях! Так что давайте с чёрного!

И тут опять был явный подвох. Члены комиссии прибыли к чёрному ходу как раз в тот момент, когда допотопного вида водовоз черпал из бочки воду и неторопливо выливал её в жестяной жёлоб. Так осуществлялось впредь до устранения водопроводных недоделок питание котлов центрального отопления. А зловредный директор техникума приглашал уже в аудиторию. Как раз в ту, которая заполнена густыми клубами дыма! Нашёл чем похвастаться!..

На втором этаже Александр Кузьмич почувствовал себя совсем как в пятой школе. Половицы жалобно скрипели и прогибались, потолок потрескивал, сигналя о чём-то невесёлом. И сколь это ни удивительно, управляющий трестом даже обрадовался, когда кто-то из членов комиссии сказал:

— Дальше, видно, идти незачем! Без того всё ясно...

Направляясь обратно в трест, тов. Волков остановил умилённый взор на доме № 37 по Ленинской улице. «Вот ведь умеем же строить! — успокоенно думал он.— Здание эксплуатируется уже третий год, и хоть бы одно перекрытие рухнуло! А какие красивые шарики расставлены вдоль всего карниза! Да мало что расставлены — держатся!..»

Дикий грохот отвлёк управляющего «Амурстроем» от приятных размышлений и заставил отпрянуть на мостовую. Невдалеке валялся в пыли и прахе рухнувший с карниза увесистый шарик диаметром около метра.

...Благополучно возвратившись к себе в трест, Александр Кузьмич, говорят, первым долгом поинтересовался: кто персонально руководил укладкой перекрытий над его кабинетом? И был весьма удовлетворён полученным ответом. Злые языки утверждают даже, будто он от полноты чувств не удержался и сказал:

— Ах, это ещё до нас было? Без всякого нашего участия? Тогда ничего... Может быть, всё обойдётся благополучно...

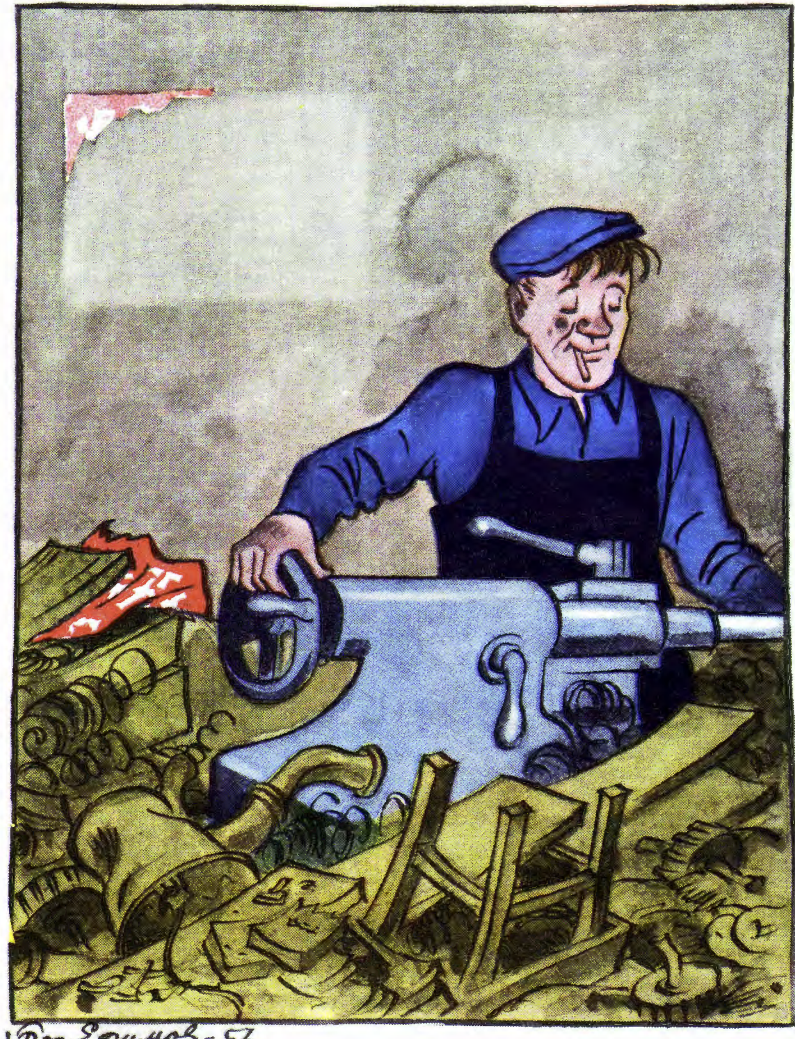
Д. ЕПИФАНОВ

г. Благовещенск.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Что-то мне мешает...

— Вот теперь полный порядок!

Дм. БЕЛЯЕВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАНСМИССИЯ

Поэт Николай Степанович Любимов сидит в глубоком кожаном кресле у редакторского стола. Это тихий, добродушный мужчина с кротким и мягким взглядом голубых глаз, опущённых длинными ресницами, с пухлыми щёчками, подёрнутыми нежным румянцем, с губами сердечком. Казалось, кто-то подшутил над поэтом, надев на него пиджак и брюки вместо сарафана из штапельного полотна с незабудками по розовому полю. Николаю Степановичу сорок лет, но все родные и знакомые называют его не иначе, как Коленька.

Посреди кабинета стоит редактор толстого журнала Стогов, мрачно глядит в пол и густым басом бубнит:

— Одна чепуха в редакционном портфеле. Вот вам, Николай Степаныч, наша жизнь редакторская, хоть плачь! Стараешься, пишешь авторам, звонишь, ночей не спишь, всё думаешь, как бы журнал лучше делать, — и что же? С одной стороны, читатели — народ дотошный, подай им в каждом номере что-нибудь новое, оригинальное, интересное. С другой стороны, взгляните, что авторы подсовывают — чепуху одну! И особенно поэты, чёрт бы их подрал!.. Гм... Извините, я не вас имею в виду. Суют какие-то вирши о любви, о поцелуях, о соловьях — и ни грана актуальности. А что актуально? Чего я требую от поэтов? Про-из-вод-ственную тематику! Понимаете? Завод, колхоз широким планом покажите. Поэт должен вторгаться в процессы труда новаторов, популяризировать их опыт. Так нет же! Поэты суют новаторам в руки гармошку и посылают их за околицу в любви объясняться. А мне что прикажете делать? Не самому же стихи писать!

Коленька слушает редактора внимательно, серьёзно и с таким участливым пониманием жалеет Стогова, что слёзы готовы брызнуть из его голубых глаз. Потом он идёт домой писать стихи на производственные темы. Вечером за чаем говорит своим близким:

— Задача поэзии — вторгаться в процессы труда новаторов, популяризировать их опыт, а наши поэты не понимают этого, суют в журналы какие-то вирши о любви, о поцелуях, о соловьях...

Эти же слова он произносит на собраниях в секции поэзии. Стихи пишет исключительно на производственные темы, и когда приносит их в редакцию, Стогов обнимает его и проникновенно говорит:

— Милый ты мой, душечка ты моя! Только ты меня и понимаешь. Спасибо!

Но вот однажды, придя в редакцию, Коленька не застал Стогова. По кабинету ходил, семеня короткими ножками, новый редактор, Удилин.

— А, Николай Степанович! — воскликнул Удилин дребезжащим тенорком. — Садитесь, родненький, вот сюда садитесь. И как же вы кстати, батенька мой, появились! Войдите, дорогуша, в моё ужасное положение. Пришёл в журнал, а в редакционном портфеле хоть шаром покати. Я не говорю о количестве, ерунды разной много, но нужного, настоящего — ни строчки. Этот Стогов, чтоб ему пусто было, совершенно сбил с толку авторов, особенно поэтов: всё долдонил им о комбайнах, о тракторах, о штурвалах. И вот, пожалуйте, в набор дать нечего. Я не против новаторов — боже упаси! — но вы сумейте мне показать комбайнера не за скучным штурвалом, нет! Дело чести поэта — подать человека во всём многообразии личной жизни, с её конфликтами, радостями и горестями. Лирики, лирики надо побольше, тепла, души, этакой сердечности, любви, наконец! Да, да, любви, чёрт меня побери! Соловьёв пускай новатор слушает, на гармошке играет, девушек за околицей целует, страдает, ревнует. Пора, давно пора понять поэтам эту аксиому, эту простую, но великую в своей простоте истину.

Удилин в волнении не заметил, как открутил три пуговицы на правой поле пиджака поэта. Не заметил этого и Коленька. Он слушал молча, серьёзно, понимающе, в его голубых глазах, подёрнувшихся влагой, струилась признательность. С чувством пожав редакторскую руку, он ушёл домой. Дома, позабыв даже снять калоши, Коленька сел писать лирические стихи.

За вечерним чаем Николай Степанович глядел вдохновенно на муху, ползавшую на потолке, и при этом восторженно восклицал:

— Дело чести поэтов — показать новатора во всём многообразии личной жизни, с её конфликтами, радостями и горестями! Соловьёв пускай новатор слушает, на гармошке играет, девушек за околицей целует, страдает, ревнует. Вот чего не хватает нашей поэзии!

То же самое Коленька говорил теперь на творческих собраниях и заседаниях.

Прошло ещё некоторое время. Удилина сменил некий убелённый сединами Стовеков, что явилось полнейшей неожиданностью не только для других, но и для Стовекова: он в жизни никогда нигде ничего не редактировал. Страстно желая восполнить отечественную историю, он за последние пятнадцать лет писал кандидатскую диссертацию на тему «Связь гетмана Мазепы с Марией (Матрёной) Кочубей и влияние этой связи на исход войны со шведами».

— В чём есть смысл поэзии? — шелестел Стовеков, глядя на Николая Степановича сквозь свои очки и подняв длинный указательный палец. — Смысл поэзии в том, чтобы прививать читателям нашего журнала любовь к истории. Говорят, что история — не дело поэтов. Неправильно говорят! «Полтаву» Пушкина кто писал? Пушкин писал. «Бориса Годунова» кто писал? Опять же Пушкин. А о чём пишут наши поэты? Вот полюбуйтесь! — Он с остервенением открыл ящик письменного стола и вытащил кипу рукописей. — Вот вам: две «Черёмухи», три «Сирени», четыре «Гармони», пять «Поцелуев за околицей», и тэдэ, и тэпэ. — Стовеков широко развёл руками и с отчаянием воскликнул: — Это же вопиющая недооценка отечественной истории!

Коленька слушал молча, внимательно, серьёзно, и глаза его излучали океан сочувствия и солидарности. На другой день он принёс в редакцию стихотворение «Переход Суворова через Чёртов мост». Теперь поэт всюду повторял мысли нового редактора и был обо всём такого же мнения, как Стовеков. Однако это длилось недолго. Несостоявшийся кандидат исторических наук вновь вернулся к науке, и редакторский кабинет опустел. После этого Коленька Любимов в течение полугода не высказал ни за чаем, ни на творческих собраниях ни одной мысли, ни одного мнения, так как редакторский кабинет был всё это время пуст, и поэтому было пусто в голове Коленьки.

Любимов ходил словно в воду опущенный. Он видел вокруг себя предметы, знал, что происходит кругом — по крайней мере, в пределах Садового кольца, — но ни о чём не мог составить мнения и совершенно не знал, о чём писать. А как это ужасно — не иметь своего мнения! Коленька видит, например, что стоит бутылка, или идёт дождь, или по радио передают пьесу Погодина, а какой в этом смысл, сказать не может. Пробовал было он ориентироваться на мнение знакомого критика — увы, ничего не получилось. Критик с такой калейдоскопической быстротой менял свои суждения в зависимости от метеорологических условий, что невозможно было уследить, что к чему и куда он гнёт. К тому же критик облекал свои рассуждения в такую непостижимую форму, что, кроме головной боли, ничего не вызывал.

На дворе глубокая осень. Идёт дождь. Сад под окном пустынен и мрачен. И в сердце Любимова такая же мрачная пустота, как в этом осеннем саду. И так день за днём. Коленька осунулся, похудел, голубые глаза его не искрились вдохновением. Выражение лица Любимова было такое, будто он объелся полыни. А вчера, например, произошёл совсем странный случай. Вышел он по привычке на трибуну собрания и пытался что-то сказать. Но сказать ничего не мог. После мучительного напряжения памяти наконец произнёс:

— Я... согласен... с предыдущими... ораторами...

— А собственное мнение вы имеете? — спросил его председательствующий.

— Нет... не имею...

— Странно, очень странно. А что вы за последнее время читали, как повышаете свой идейный багаж?

— «Вечернюю Москву»... читаю... «Огонёк» по воскресеньям просматриваю...

— Маловато. А что вы сейчас пишете? Какие темы вас волнуют?

Коленьку обдало холодным потом. Он моргал, сопел, переминался с ноги на ногу и молчал. Там, где-то в углу зала, в туманной дымке, в той самой дымке, которую он до дыр протёр в своих стихах, появились неясные тени всех бывших редакторов журнала, где он сотрудничал, и каждый из них что-то ему подсказывал. Коленька до боли в ушах напрягал слух, повторял про себя их мысли, пытался сформулировать какую-то фразу и не мог, так как все эти чужие мысли взаимно исключали друг друга.

Однажды, когда Коленька пребывал в своём печальном, бездумном состоянии и не знал, куда деваться, зазвонил телефон. Коленька вскочил, схватил трубку и обомлел: он услышал басовитое урчание Стогова:

— Здравствуйте, Николай Степанович, здравствуйте, душечка! Узнаёте? Вот я и опять редактором стал. Жду ваших стихов. Да чтобы пафос производственный был! Закрутите что-нибудь такое-этакое... Гул комбайнов, тракторов. Чтобы поэзия заводского труда, трансмиссии чтоб пели. Ну, как? Будут трансмиссии?

— Будут, — пролепетал Коленька, и в его детских голубых глазах засветились искры вдохновения.

— Впрочем, трансмиссий, кажется, теперь уже нет. Или есть? Как вы думаете?

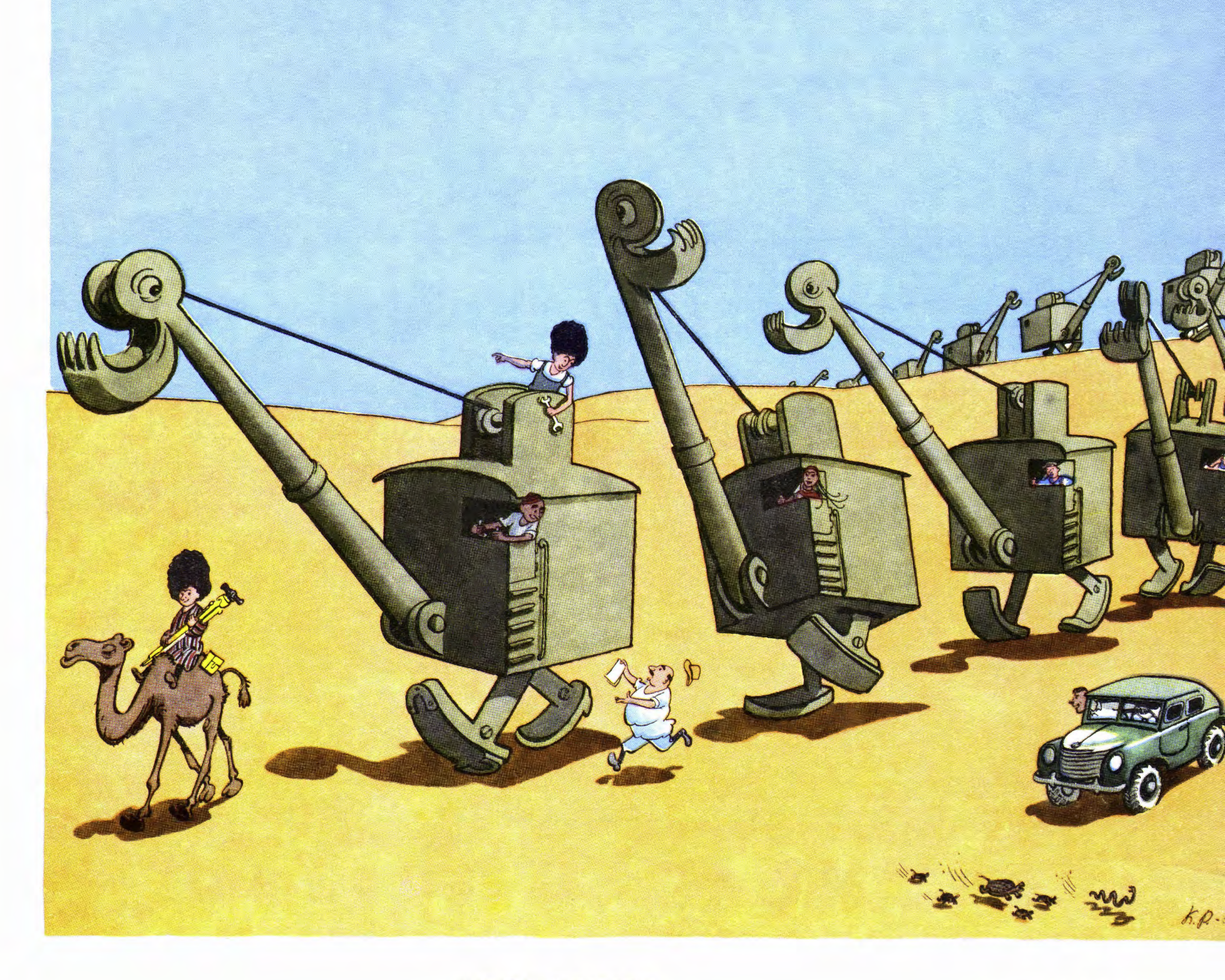
— Когда я... в 1930 году читал на одном заводе стихи, трансмиссии были, а теперь... не могу знать.

— Ну, чёрт с ними, с трансмиссиями! Валяйте про шагающий экскаватор. Напишете?

— Напишу.

— Вот спасибо, голуба, спасибо, душечка...

Коленька подходит к окну тихий, довольный, покойный. На землю падают белые хлопья снега. По улице идёт пара в обнимку. Против самого окна пара задерживается, и Коленька видит, как парень крепко целует смеющуюся девушку. Стыдливо отвернувшись, Любимов отходит от окна к книжной полке, берёт том «Технической энциклопедии» и ищет слово «экскаватор».

КАРАВАН В ПУСТЫНЕ. Рисунок К. РОТОВА.

Л. ГАЛКИН

Портфель с человеком

Давно забыв о листьях жёлтых,
Лепечут зеленью кусты.
Опять на лекцию пошёл ты,
В портфеле жёлтые листы.

Порой взирая благосклонно
На ёлочки, что стали в ряд,
Несёшь вдоль них — вечнозелёных —
Ты вечножёлтый свой доклад.

Увы, давно нам надоевший,
Поднаторевший, постаревший,
Идёт к трибуне аппарат
По оглашению цитат!

Вот на трибуну, как на мель,
Не лёг, а грузно сел портфель.

Портфель, он на трибуне главный!
Зловеще щёлкнули замки,
И лектор забубнил исправно,
У самых глаз держа листки.

Порой на ощупь жестом точным
Он из портфеля достаёт
Солидный том — первоисточник,—
И вновь бубнит, и вновь жуёт.

Одно и то же в вузе, в школе,
В цеху и на колхозном поле:
Набор цитат «отсель — досель»...
Да, самый главный здесь — портфель!

А в зале лектора ругают,
Смеются:— Если подучить,
Такое дело попугаю
Вполне бы можно поручить!

Ужель, произнося цитаты,
Учёный муж навек засох!
А мы слыхали, что когда-то
И с огоньком читать он мог!

Ужели стал он в самом деле
Лишь автоматом при портфеле!

г. Харьков.

Пётр Васильевич возглавляет...

(Сценки с натуры)

По улицам города Богородицка мчится новенькая «Победа». Берегись, прохожий! Сторонитесь, встречные машины! Пётр Васильевич Семёнов, начальник шахты № 67 «Калининугля», спешит на работу.

И вот он уже прибыл, вот он уже в нарядной и прямо с ходу начинает руководить:

— Раззява, губошлёп, чего зенки вылупил? Давай добычу!

(Это начальнику участка Тютюннику.)

— Эй, ты! Кланяйся и проси, чтобы я тебя простил!

(Это рабочему Киселёву, который в чём-то проштрафился.)

— Дурнев, почему у тебя перерасход на участке движения?

— Да ведь как не быть перерасходу-то, Пётр Васильевич? — доверительно сообщает Дурнев.— Шофёр Курнаев получает вторую ставку, а возит не уголь, а вашу супругу на базар...

Лицо Петра Васильевича багровеет. Он молчит несколько секунд, словно лишившись дара речи, затем происходит взрыв:

— Наглец! Невежа! Как ты смеешь? Вон отсюда!

Обругав зазорным словом ещё одного из подчинённых, тихого, скромного маркшейдера Толстошеева, начальник шахты отправляется в свой кабинет. Он садится за стол, морщит лоб: что это, дай бог памяти, ему сегодня надо было сделать в первую очередь? Ах да, вспомнил! Пётр Васильевич снимает телефонную трубку:

— Дайте мне начальника орса... Здорово, любезный! Вот что: срочно гони в шею эту нахалку — заведующую магазином Дьяконову. Я ей велел оставить для меня два мешка муки, а она не оставила. Понятно? Мне таких работничков не надо.

Теперь можно заняться вплотную «производством».

Пётр Васильевич заочно (по телефону) и очно «накручивает хвосты» командному составу шахты. Эта производственная операция выражается обычно в крике, на самой высокой ноте, доступной лишь знаменитым тенорам:

— Нажимайте на всю железку! Я из вас душу вытрясу!

Между делом в кабинет заглядывают фавориты. Вот пожаловал десятник Карманников, чья личная преданность начальнику шахты общеизвестна. Карманников уже неоднократно уличался в хищении дров и угля, но высокое покровительство неизменно спасало его от возмездия. А сейчас беднягу ужасно обидел шахтком: подумайте, отказал ему в санаторной путёвке!

— Ладно, не хнычь,— милостиво говорит Пётр Васильевич.— Вот тебе путёвка из директорского фонда и шестьсот рублей на дорогу... А вы что приуныли, орлы?

«Орлы» — начальник планового отдела Полторыкин и начальник отдела организации труда Сепиус — обеспокоены неприятным известием: Пётр Васильевич по своему благорасположению отвалил им крупные премии, а «наверху», в комбинате, указали, что эти премии выданы неправильно, и предложили их взыскать. Что же теперь будет?

— А ничего не будет! — уверенно говорит Пётр Васильевич. — Фонд — директорский, директор — я, значит, фонд мой! Плюньте на всё и берегите здоровье! А тебе что, Курнаев?

— Ездили с вашей супругой на базар,— докладывает шофёр Курнаев, чьё имя уже упоминалось в нарядной.— Сейчас вдругорядь поедем, а деньги все ушли. Приказано взять у вас.

Пока Пётр Васильевич роется в бумажнике, Курнаев глядит на него нежными, влюблёнными глазами. Да, уж кто-кто, а Пётр Васильевич умеет ценить усердие! В прошлом году по фиктивной должности слесаря провёл ему, Курнаеву, премиальных 5 тысяч рублей, помог построить дом. А попробуй-ка кто-нибудь из рядовых рабочих сунуться за помощью в индивидуальном строительстве!

Получив деньги, шофёр уходит. Пётр Васильевич снова берёт телефонную трубку. И руководящие указания вместе с посулами «вытрясти душу» несутся по всем проводам.

...Рабочий день близится к концу.

— Эй, как там у вас? — бодро кричит в дверь хозяин кабинета.— Приказик насчёт Сербиновича готов?

Сербинович — помощник начальника участка, многократно критиковавший Петра Васильевича на собраниях и в печати. Да, приказик уже готов. Пётр Васильевич прочитывает его дважды, чтобы продлить наслаждение, и ставит свою подпись.

— Будь здоров, уволенный товарищ! Моё почтение!

Ну, теперь, кажется, всё... Направляясь к своей «Победе», начальник шахты делает небольшой крюк и проходит мимо того места, где обычно вывешивается стенгазета. Вчера она здесь висела. И в ней была заметка о том, что руководители шахты, в том числе тов. П. В. Семёнов, недопустимо грубо обращаются с рабочими. А сегодня стенгазета уже исчезла.

— То-то же! — говорит Пётр Васильевич и вспоминает, какой «разнос» устроил он вчера кроткому и почтительному секретарю парторганизации тов. Иванову.— Значит, подействовало.

Он возвращается домой с приятным чувством хорошо поработавшего человека.

— Ну как? — спрашивает заботливая супруга.— Уже вывел шахту из прорыва?

— Стараюсь, матушка,— весело отвечает Пётр Васильевич.— Сам довёл, сам и выведу! Только бы меня не вывели.

Но эта мысль, очевидно, и в голову не приходит руководителям треста «Калининуголь». Они чрезвычайно симпатизируют Петру Васильевичу и даже полагают, что Петра Васильевича следует «поменьше нервировать критикой» (как заявил однажды заместителю редактора стенгазеты главный инженер треста тов. Таранух).

Правда, обеспечить полное спокойствие его чувствительным нервам не всегда удаётся. Так, например, некоторое время назад Петра Васильевича крепко «проработала» областная газета; после этого собрался с духом и райком партии — объявил ему (без занесения в личное дело) выговор за зажим критики. Но Пётр Васильевич стойко перенёс то и другое. Стиля своего «руководства» он не меняет, уповая попрежнему на своих покровителей.

Великая вещь — любовь начальства!

А. МАРТЫШЕВ

Товарковский район,
Тульской области.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

ТОЧНАЯ СПРАВКА

— Какая организация строит этот дом?
— Пятнадцатая...

ПО ДОГОВОРЕННОСТИ

Никто не знает случая, когда бы Борис Иванович Мухин, колхозник сельхозартели имени 1 Мая (Муромский район, Владимирской области), в чём-либо просчитался или дал маху. Не было ещё такого случая!

— У Бориса Ивановича умов не дюжина, да голова не кружена! — отзывались о нём колхозники.

И вдруг этот самый Борис Иванович, некруженная голова, так просчитался в одном ясном деле, что хоть плачь!

В колхозе имени 1 Мая есть десяток — другой людей, которые, активно лузгая подсолнухи, пассивно созерцают из окна собственного дома, как трудятся колхозники. Борис Иванович терпеть не мог этих людей и даже название им придумал: «активный пассив». Одного, однако, не мог понять никак Борис Иванович: на что они надеются, как думают жить? На минимум выработанных трудодней? Да где у них этот минимум? Его тоже, сложа руки у подоконника, не заработаешь.

Рассуждая так, Борис Иванович вдруг хитрую штуку надумал: всё, что получит на трудодни за год, он провезёт непременно по всему селу. И не просто провезёт, а обязательно остановится, как бы на перекур, напротив окон, где живёт «активный пассив». Пусть видят и локти от зависти кусают! Идея Бориса Ивановича всем понравилась, многие поддержали его и готовились устроить такую же демонстрацию.

Вот тут-то и случилось непредвиденное...

Подъезжает Борис Иванович к складу получить всё, что заработал за год, — глядь, туда же подъехал одновременно весь «активный пассив». Это было очень даже кстати. На ловца, как говорится, и зверь бежит. Пусть все разом смотрят на его честью-совестью, трудом праведным заработанное богатство да завидуют!

Нагрузил Мухин на одну подводу мешки с зерном, на другую — овощи, на третью... Словом, хорошо нагрузил! Все семь потов по очереди вытер со лба рукавом, стоит, улыбается, ждёт, когда «активный пассив» свои сумки-котомки понесёт. А они- вовсе не сумки-котомки, тоже мешки с зерном да овощами понесли! Загружают ими по одной подводе, по другой, по третьей... Словом, нисколько не меньше самого Мухина нагрузили. Ничего не понимает Борис Иванович, только с досады на лице его переливаются самые мрачные краски.

И тут забеспокоился Мухин: а правильно ли получил он? Не обсчитали ли его?

— Напрасно так думаете, Борис Иванович, — обиженно ответил кладовщик. — Работаем самым аккуратнейшим образом, без ошибок. Проверьте ещё раз, пожалуйста!

Едет домой Борис Иванович, почёсывает затылок: «Нет, всё равно недоразумение налицо явное. Или обсчитались, или обсчитали в бухгалтерии, только, по всему судя, много недополучил я на свои трудодни. Сгружусь, схожу к звеньевой Мизиной. Любопытно, что она скажет?»

Мизина выслушала Бориса Ивановича и говорит:

— Сама к тебе шла с тем же делом!

— Выходит, оба мы в тупиках?

— В тупиках — не в дураках. Пойдём к Панкову.

К Панкову идут, а тот — навстречу. И его, оказывается, тоже обсчитали. Через полчаса таких обиженных много разыскали.

— Коль так обернулось дело, доведём его до конца. Пошли, браты, к бухгалтеру!

Бухгалтер колхоза имени 1 Мая Решетов в отчётной горячке: годовой баланс сбивает. Но смотрит, люди пришли все самые почётные, с честью принимает и любезно усаживает всех за стол. Одному стула не хватило — свой отдал, а сам в сторонке у стены прилепился.

Выслушал бухгалтер внимательно каждого, отвечает всем сразу:

— Верно. Вы действительно могли бы получить на свои трудодни больше, если бы...

Рассердились все до крайности.

— Как так «если бы...»? — зашумели. — А тем, кто семечками плевался и не работал, полные возы нагрузили?

— Это по-вашему они не работали, — возражает бухгалтер. — По нарядам они очень даже усердствовали.

Вытащил бухгалтер толстенную папку с нарядами из шкафа за прошедший год и бухнул её перед всеми на стол.

— Любуйтесь, — говорит, — если сомневаетесь!

Стали любоваться нарядами. Перелистывают: «Побелка теплушки при конном дворе. Исполнитель работы Ваньков. Начислено двадцать трудодней».

Все так и ахнули:

— Вы что, смеётесь, Константин Иванович! Откуда такие нормы?

Теперь бухгалтер рассердился:

— Какие вам ещё нормы?! Ясно ведь написано: «Оплата по договорённости». Очевидно, дело было так. Завхоз наш Кубренков спрашивал Ванькова: «Ты теплушку при конном дворе побелишь? Работа нетяжёлая». «Отчего не побелить! Побелить можно». «Побели, брат. Сколько тебе надо за эту работу?» Ваньков голову ломает: сколько трудодней запросить ему — день или три? Нет, три трудодня, кажется, много, не даст Кубренков. В самом деле, что теплушка — пустое дело! А нетерпеливый Кубренков сердится: «Экий ты тугодум, брат! Думай не думай, больше двадцати трудодней не дам. Извини, не могу!»

Или вот наряд: колхозникам Паинцеву, Касаткину, Сумину и другим начисляли по семи трудодней каждому за день работы. За что? Было бы за что: старое каменное здание разрушали. Опять спросите: откуда такие нормы? Никаких норм! Хлопнули по рукам с председателем колхоза Харьковым: «Вот так, председатель, не жалей трудодни. Семь трудодней за день работы начисляй — и от твоего помещения одна пыль останется!» Так и получилось: семь трудодней в день за одну пыль... в глаза.

Вот ещё пример: Кротов, Мальков, Филатов прошили мостик через балку гвоздями, по 50 трудодней на человека забили: — столько, сколько гвоздей в мост.

— Тоже по договорённости? — спрашивает поражённый Мухин. — За один гвоздь по трудодню?!

— Конечно. В том-то и гвоздь...

Смотрят ещё наряды по договорённости. За переоборудование свинарника в телятник (только за переоборудование!) бригаде в шесть человек заплачено 4 800 рублей деньгами и 2 400 трудодней.

— Ну, дела! — охает Мухин. — Любопытно, сколько же они получили бы за строительство нового телятника? Разорили бы колхоз до последнего телка!

А дальше совсем чудно было. Мельнику Лякину начислено 900 трудодней. Его жене Прасковье, помощнику мельника, — 238 трудодней. А мельнику и вовсе не нужен был помощник! Да и сам мельник не нужен был: мельница за весь год в общей сложности проработала полтора дня!

— Да как же им начисляли? — спрашивают в один голос.

— Опять повторяю, — поясняет терпеливый бухгалтер, — начисляли не за работу, а по договорённости. В том-то и штука вся: начисляй им за фактическую работу да по существующим нормам, тогда, действительно, не стали бы они богаты вашими трудами. И вам пришлось бы значительно больше на трудодни, и общественный доход колхоза был бы гораздо выше. Теперь ясно вам, о чём говорю?

Теперь, конечно, ясно было. А ещё яснее людям было другое: не они над лодырями, а лодыри над ними злую шутку сыграли. И обошлась эта шутка колхозу за отчётный год в 21 тысячу трудодней!

В. ФРОЛОВ,
А. МИЧУРИН

Владимирская область.

Рисунки Б. РЯЗАНОВА.

Кол на огороде

Пять лет тому назад ранним утром жительница Сталинграда Антонина Андреевна Антонова вышла на крыльцо своего нового дома. Начинался тёплый весенний день. От влажной земли поднимался пар. «Скоро можно будет начинать посадку огурчиков и томатов»,— подумала она.

Вдруг во двор вошёл мужчина с деревянным колом на плечах. Не говоря ни слова, незнакомец направился к огороду Антоновой. Здесь он остановился и вынул из-за пояса топор. Слегка подточив тополевый кол, он начал вколачивать его в сырую землю.

— Что вы делаете? — удивилась Антонина Андреевна.

— А разве не видите? Забиваю кол!

— Зачем?

— С нынешнего дня, да будет вам известно, земля вокруг этого кола принадлежит мне. Не вздумайте его выдёргивать! — С этими словами незнакомец ушёл со двора.

Антонина Андреевна забеспокоилась. Совсем недавно ей, жене погибшего в боях за Родину воина, отвели эту землю и помогли выстроить дом. И вдруг этакая неожиданность!

Незнакомец, оказавшийся впоследствии неким Белицким, начал регулярно наведываться к вбитому в землю тополевому колу.

— Буду строиться,— развязно сообщил он Антонине Андреевне, сгружая с телеги доски.

— Где? На моём огороде?

— Ого-ро-де? Мой ого-род! — протянул Белицкий.— Это в вас, Антонина Андреевна, говорят мелкособственнические инстинкты. Боритесь с ними, или вас захлестнёт мелкобуржуазная стихия!

Антонина Андреевна, честная производственница, оскорбилась. Она рассказала о незнакомце и его коле своим друзьям и знакомым. Те посоветовали подать в суд.

Между тем Белицкий не терял драгоценного времени. Он соорудил у кола кухоньку, где и поселился. Далее события развёртывались в следующей исторической последовательности: суд признал претензию Антонины Андреевны основательной и рекомендовал снести в административном порядке «строения, возведённые без разрешения».

Антонова направилась в Ворошиловский районный коммунальный отдел города Сталинграда.

— Прошу помочь мне унять Белицкого,— сказала она.— Придите и на месте разберитесь в наших земельных делах. Вот постановление суда...

— Никуда я не пойду,— сказал заведующий.— Вместо меня пойдёт бумага...

Заведующий не обманул Антонину Андреевну. Он тут же сочинил бумагу и направил её с курьером во двор к Антоновой. Белицкий прочёл письмо, небрежно сунул его в карман и сказал:

— Мало. Пусть пишут ещё.

С этого мгновения завертелась бумажная машина. Застучали машинки, начали пухнуть кожаные сумки от писем, запросов и отношений, помчались по сталинградским улицам курьеры, торопясь доставить Белицкому мнение различных организаций о самовольно вбитом коле.

Пять лет ответственные и полуответственные работники занимаются этим делом. Ниже мы даём далеко не полный список учреждений и организаций, которые писали Белицкому, о Белицком и по поводу Белицкого:

Наименование организаций	Количество писем
1. Секретарь исполкома Сталинградского горсовета тов. Пономарёв	7
2. Бывший начальник управления коммунальных предприятий и благоустройства тов. Бобиченко	7
3. Бывший заместитель председателя горисполкома тов. Обухов . .	8
4. Бывший председатель райисполкома тов. Степчиков	2
5. Областной прокурор тов. Крюков	2
6. Управление делами Совета Министров РСФСР	2
7. Прокурор Ворошиловского района	1
8. Начальник отдела общего надзора областной прокуратуры тов. Соколов	1
9. Бывший председатель исполкома горсовета тов. Шапуров . . .	4
10. Бывший зампредседателя Ворошиловского райисполкома тов. Лизунов	2
11. Зампредседателя исполкома горсовета тов. Землянский	1

Итого тридцать семь писем! Вокруг Белицкого продолжает бушевать бумажная буря. А он только улыбается. Ему всё нипочём.

Эх, если бы кто-нибудь догадался с самого начала придти во двор к Антонине Андреевне и выдернуть кол! Но никто не догадался этого сделать. Рука потянулась не к колу, а к чернильнице. Все эти пять лет люди, которые занимались жалобой Антоновой, слепо верили в силу бумажки. А она оказалась бессильной.

Дело о самовольном поступке Белицкого растёт и пухнет.

А кол и ныне там. Он стоит, как и положено колу, не шелохнувшись.

А. ЕЛИН

Сталинград.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Отдельные депутаты местных советов не поддерживают постоянной связи с избирателями.

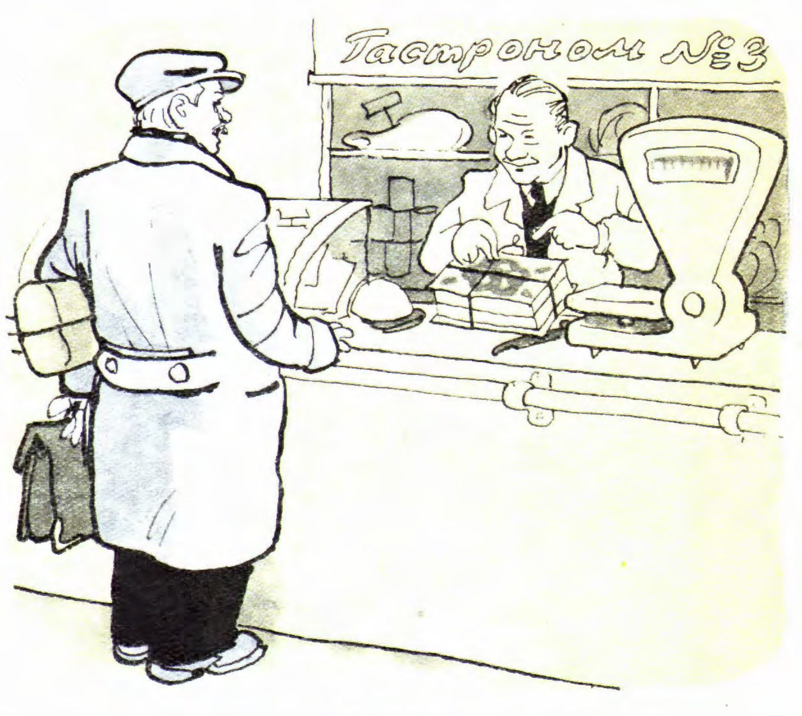
Депутату легко встретиться со своими избирателями

в поликлинике,

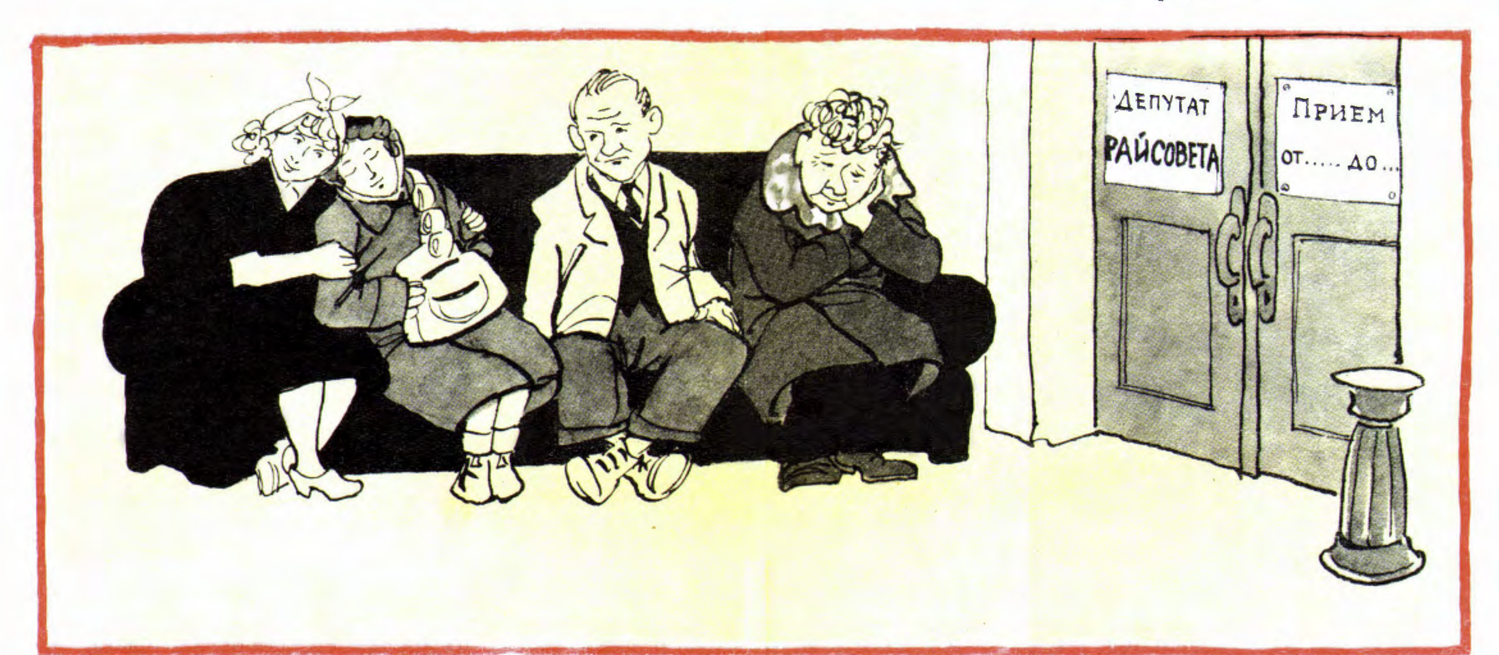
в мастерской,

в магазине,

в трамвае...

...но избирателям не так просто встретиться со своим депутатом.

Из напечатанного

Вокруг кассы

Есть ли директор в Николаевском строительном техникуме? На этот прямой вопрос можно дать прямой и решительный ответ: есть.

Во-первых, в директорском кабинете висит шапка, что явно свидетельствует о существовании её владельца. Во-вторых, в ведомостях на заработную плату против слова «директор» неизменно красуется размашистая, авторитетная подпись.

А заместитель по учебной части есть?

И заместитель есть. Вон в углу стоят его калоши. А на столе у секретаря оставлена его доверенность на получение заработной платы.

Желающих же лично увидеть директора или, что ещё невероятнее, разрешить с ним какой-либо административный или учебно-воспитательный вопрос просят не беспокоиться. Напрасный труд! Или всё-таки... попытка не пытка, дерзайте. Только не ходите в кабинет, там вы его не застанете. Попробуйте пробраться в аудитории. Но и там вы его вряд ли найдёте. Можно, конечно, посетить места практики студентов. Впрочем, это напрасная трата времени. Пожалуй, лучше всего направляйтесь в кассу техникума.

Подобно магниту, притягивающему железо, металлический сейф кассы неумолимо привлекает к себе директора тов. Мишутина. И не так своей внешней формой, как внутренним содержанием. Поэтому-то одним росчерком директорского пера и были внесены коррективы в постановление правительства о заработной плате директорам и заместителям директоров техникумов по учебной части. Собственно говоря, первые пункты этого постановления (об увеличении заработной платы) полностью и неуклонно проводятся в жизнь. Зато остальные, строго ограничивающие педагогическую деятельность руководителей 480 часами в год, чтобы директор и заместитель в основном весь свой рабочий день занимались организацией учебной и воспитательной работы, отметены настойчиво и категорически.

Исходя из этого, на учебный 1954—1955 год тов. Мишутин себе самозапланировал не 480, а 854 часа лекций, а заместитель по учебной части тов. Уваров — 840 часов.

— Не только выполнить, но и перевыполнить этот план! — воскликнул директор и, вызвав на соревнование заместителя, замелькал по классам.

— Вызов принят! — бодро откликнулся заместитель и, закрыв служебный кабинет, ещё быстрее помчался по аудиториям.

— Ну, как? — улыбаясь, спросил директор в момент перебежки из одного класса в другой.

— Выжимаю! — радостно отозвался заместитель.— Любой тяжелоатлет позавидует!

Миновало время, и первые итоги негласного соревнования были подведены. Тов. Мишутин читал лекции 969 часов, естественно, позабыв о своих основных обязанностях директора, а тов. Уваров — 1 050 часов. За 489 часов лекций, прочитанных сверх разрешённой правительством годовой учебной нагрузки, директор получил дополнительно 5 212 рублей, завуч — 7 267.

— Сдаюсь,— огорчённо развёл руками тов. Мишутин, узнав об этих данных.— Я побеждён. Но ничего, просчитался на одном, возьму сверхположенное мне по норме на другом.

И за четыре месяца учебного года получил из кассы техникума ещё 9 328 рублей за:

1) руководство производственной практикой; 2) курсовые проекты; 3) проверку студенческих отчётов о практике; 4) консультации по дипломам; 5) приём экзаменов; 6) руководство предметными комиссиями; 7) дипломное проектирование; 8) заведование кабинетом «Части здания».

— Каково? — гордо произнёс директор, вызвав заместителя.— Теперь-то вы уж, наверно, признаете себя побеждённым окончательно и безоговорочно.

— И не подумаю признавать! — весело ответил зам.— Пожалуй, наоборот. Вы получили ещё 9 328 рублей, а я — 9 524. Вы использовали восемь дополнительных источников для получения денег, а я — десять. Так что вам торжествовать, дорогой директор, ещё рано!

— Вы гений! — только и воскликнул тов. Мишутин, отдавая дань темпам и напористости своего заместителя.

Первые неприятности пришли с первой же финансовой проверкой.

— Мы учтём, мы исправим, мы наведём порядок,— заверял руководитель техникума.— Отныне я и мой заместитель не будем гоняться за длинным рублём, а всё своё внимание уделим улучшению деятельности техникума.

Но эти покаянные речи прозвучали в... каникулярное время и сразу же были забыты с наступлением нового учебного года.

И вновь директор и заместитель наметили себе завышенные планы чтения лекций, усердно их реализуя и изыскивая дополнительные заработки... Вновь им некогда думать об учебной и воспитательной работе. И вновь только по висящей в кабинете шапке и стоящим в углу калошам можно установить, что в Николаевском строительном техникуме есть директор и заместитель.

В. ГОРИН, М. КОРГИН

г. Николаев.
«Бугская заря».

Рисунок Л. Раувольфа (сатирический журнал ГДР «Ойленшпигель»), выполненный для «Крокодила».

Западногерманские суды организуют процессы против борцов за мир.

Вещественное доказательство «преступления».

О ЦВЕТОЧНЫХ ГОРШКАХ И ПИВНЫХ КРУЖКАХ

Вальтер Шредер не был последним человеком в фашистской империи. Он занимал довольно высокий пост. Он был полицей-президентом города Любека.

Полицейские вытягивались перед ним в струнку. Сам Гиммлер при встречах с любекским шефом полиции благосклонно протягивал ему кончики пальцев.

Как специалист полицейского дела, Шредер участвовал в завоевании «жизненного пространства» на Востоке: он покорял Литву, он грабил Ригу.

Вальтер Шредер должен был, как военный преступник, разделить участь своих собратьев. По палачу давно верёвка плачет. Но он во-время удрал с Востока на Запад и опять обосновался в Любеке.

Ныне в Федеральной Республике Германии ценят бывших деятелей времён Гитлера. Вальтеру Шредеру предоставлено право на отдых, ему назначена высокая пенсия.

Аппетит приходит во время еды. Гоголевский Собакевич, съев осетра, тыкал вилкой в маленькую рыбёшку. Получая из казны крупные пенсионные куши, Шредер запускает свою лапу в казённый кошель и за мелочишкой.

Шредер считает себя жертвой военного времени. У него, видите ли, пропали некоторые вещи. Вальтер Шредер перечисляет предметы, представляющие для него, как он пишет в своём заявлении, «большую идейную ценность».

В этом перечне, по сообщению газеты «Штутгартер цейтунг», наряду с другими вещами фигурируют следующие предметы:

а) четыре горшка для цветов,

б) одна пивная кружка.

Заявитель требует возместить материальный ущерб. Он грозит судом.

Вполне вероятно, что власти пойдут навстречу господину Шредеру. И действительно, сколько лирических воспоминаний вызывает пивная кружка!

Ведь это она, пивная кружка, играла столь видную роль в жизни наци. Её можно было увидеть в тех кабачках, где начинали свою политическую карьеру большие и малые фюреры. Пивной кружкой пробивали черепа инакомыслящим на диспутах в ту начальную пору, когда у фашистских молодчиков ещё не было пулемётов и пушек... Майн готт, как же не понять тоски нациста Шредера по своей старой подружке — массивной пивной кружке!

Ну, а цветочные горшки? О, конечно, без цветов жизнь не в жизнь бывшему гитлеровскому палачу. Кровь и розы — их обожали и Гитлер и Гиммлер.

Судьи, надо полагать, поймут и тонкую душу и глубокие страдания отставного эсэсовца. Ну, конечно, бедняга Шредер должен получить сполна по своему иску! Федеральная республика обязана платить за разбитые горшки и пивные кружки бывшим деятелям «третьей империи».

Правда, на западе Германии есть лица, действительно понесшие тяжёлые жертвы в гитлеровское время. Газета «Зюддейче цейтунг» пишет, что власти получили более миллиона заявлений от жителей, требующих возмещения ущерба. Пока что, сообщает газета, принята во внимание только мизерная доля этих заявлений. Власти скупятся на помощь старикам, вдовам, сиротам.

Иное дело — гитлеровский полицей-президент Вальтер Шредер и ему подобные.

Наглость бывших палачей возрастает в прямой пропорции к росту милитаристских настроений у ряда ответственных лиц, творящих политику в Федеральной Республике Германии. Газета «Франкфуртер рундшау» сообщает, что в последнее время иски, подобные шредеровскому, «не являются редкостью».

Но, к счастью, не являются редкостью на западе Германии и решительные выступления народа против политики войны.

Шредеры недооценивают это. Они мечтают вернуть прошлое. Как известно, далеко не все мечты сбываются.

И. РЯБОВ

Коротко, но ясно...

ДУЭТ БЫВШИХ

Если бы из дверей какого-нибудь зоологического музея вдруг вылезло на улицу ожившее чучело бронтозавра, это происшествие смело можно было бы поставить в ряд с удивительным событием, которое произошло недавно за океаном.

На свет божий, как передало агентство Юнайтед Пресс, выползли Станислав Миколайчик и Ференц Надь.

Миколайчик созвал пресс-конференцию. Как выяснилось, он совершил поездку в Японию. Он объявил, что сильно огорчён. Его печалит, что эта страна «пассивна перед лицом угрозы коммунизма».

Надь тоже выступил на пресс-конференции. Он побывал во Франции. Ему, оказывается, тоже «печально было смотреть» на эту страну.

Грусть-тоска Миколайчика и его партнёра, вообще-то говоря, понятна. Радоваться им нечему. Но при чём же тут Франция и Япония? Эти страны вовсе не нуждаются в соболезнованиях двух отпетых реакционных политиканов!

ЗАБОТА О БЛИЖНЕМ

Давно замечено, что чанкайшистские власти на Тайване проявляют трогательную, хотя и несколько своеобразную заботу о подчинённых. Это подтверждается и последними фактами.

По сообщению корреспондента агентства Рейтер, группа чанкайшистов, посетившая все военные тюрьмы в главном городе Тайбэе, пришла к ужасному заключению, что этих тюрем явно недостаточно и что они «слишком переполнены».

Псвидимому, чанкайшисты спят и во сне видят приятную сценку: представитель гоминдановской тайной полиции, позвякивая связкой ключей, горделиво поясняет своим американским шефам:

— Обратите внимание, господа: на месте этой огромной тюрьмы был когда-то город Тайбэй. Мы переселили его жителей в отдельные, хорошо изолированные комнаты...

И благодарно добавляет:

— ...с вашей отеческой помощью.

ПРОТИВ ЧЕРНОГО РЫНКА — ЗА ЗАКОННУЮ ТОРГОВЛЮ ДЕТЬМИ!

Американское агентство Ньюспейпер Энтерпрайс Ассошиэйшн передало недавно следующую информацию:

«Америка начинает пожинать ужасные плоды в виде разбитых семей, исковерканных жизней и детской преступности как результат гнусной подпольной торговли детьми, которая за последние 10 лет заметно расширилась. Подсчитано, что более 150 тысяч детей было продано на чёрном рынке за последние годы. Тысячи детей, подобно мешкам муки, предлагали для усыновления в любом штате по цене от 500 до 3 500 долларов».

Это, так сказать, констатация фактов. Действительно, в США существует немало специальных коммерческих родильных домов и частнопрактикующих врачей, занимающихся торговлей детьми по «соглашению» с матерями-одиночками, не говоря уже о торговле крадеными детьми и т. д. Казалось бы, агентство должно было сделать из этих фактов далеко идущие выводы. Оно, впрочем, и сделало некоторые выводы:

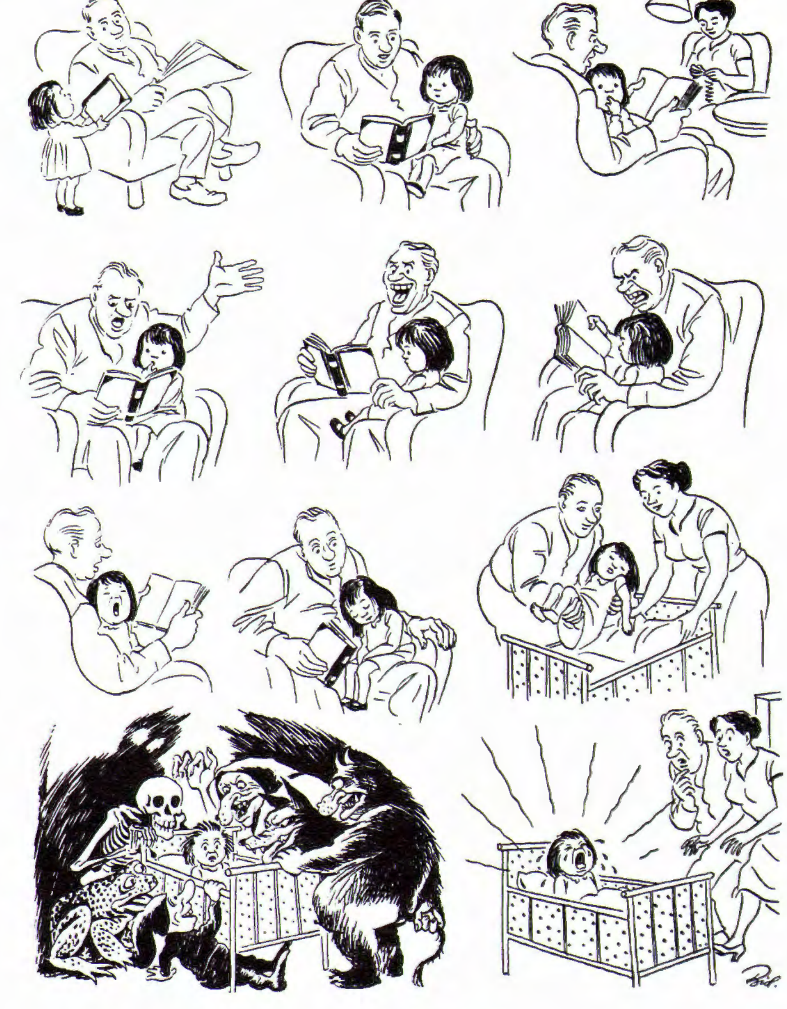
«Дети должны быть объявлены законным предметом торговли между штатами,— требует агентство.— Существуют федеральные законы, определяющие порядок торговли автомобилями и другим имуществом между штатами, но нет никаких федеральных законов, касающихся торговли детьми между штатами».

Нам кажется, что в данном случае уважение американского агентства к букве закона вряд ли достойно уважения.

Рисунки Бидструпа

Автошарж

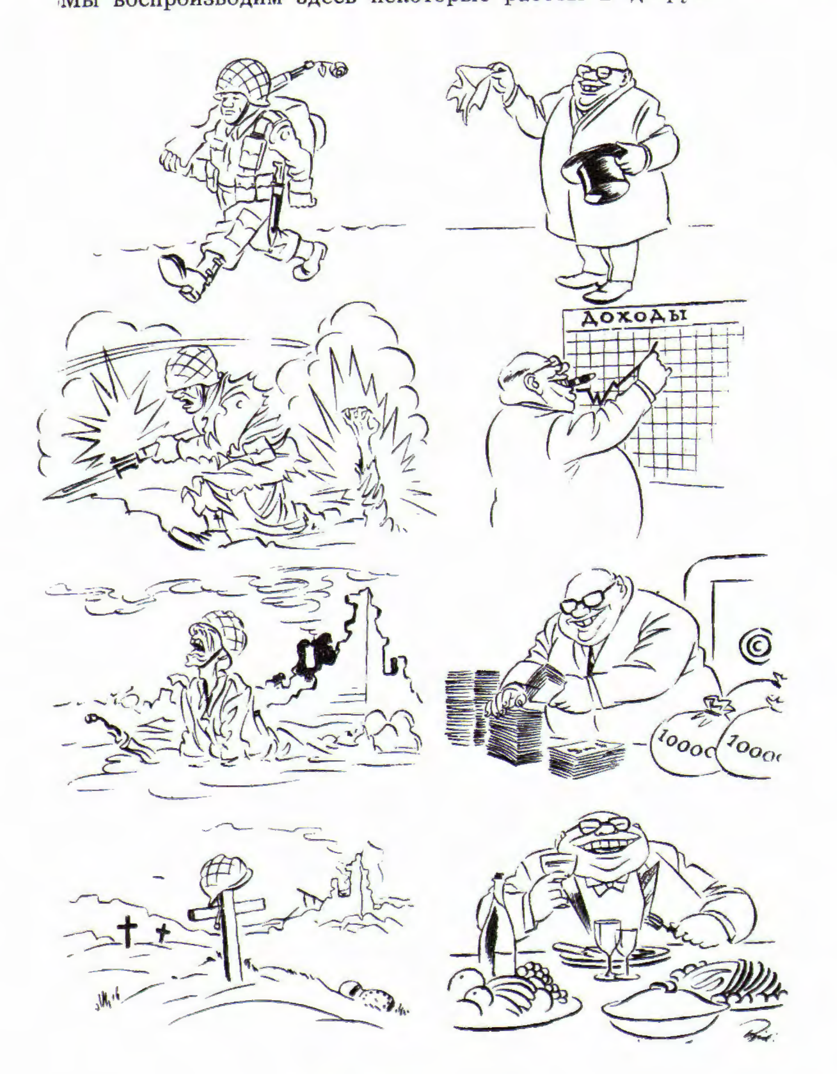
Страшная сказка

Почти ежедневно в центральном органе компартии Дании — газете «Ланд ог фольк» — появляются карикатуры Х. Бидструпа. Журналисты часто завидуют этому художнику.

Достаточно взглянуть на рисунки Бидструпа, чтобы понять, в чём дело. Каждый его рисунок — это законченное сатирическое или юмористическое произведение. Это, так сказать, рисованный фельетон.

Художник умеет выразить тему в острой, лаконичной, доходчивой форме сюжетного рисунка.

«Порой карикатура Бидструпа заменяет целую передовую статью», — пишет известный датский писатель Ханс Шерфиг. Мы воспроизводим здесь некоторые работы Бидструпа.

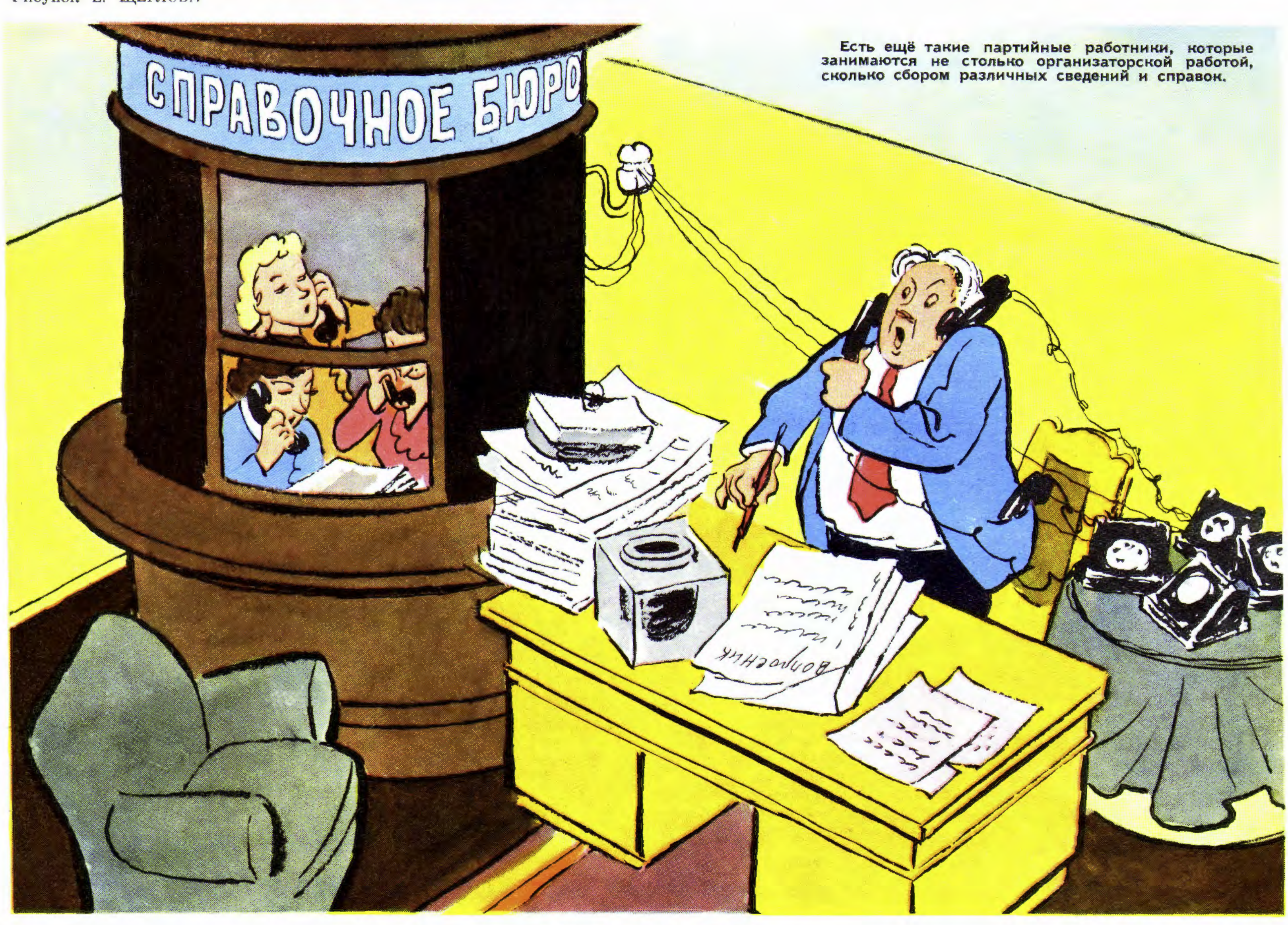

На чужбине и дома

Разные журналы

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

ГОРЯЧАЯ РАБОТА

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Из басен Флориана

Флориан (Жан-Пьер Кларисс) — популярный французский писатель второй половины XVIII века, просветитель. Басни Флориана, получившие в своё время широкое признание в России, продолжают традицию великого баснописца Франции Лафонтена.

ПЕТУХ-ФАНФАРОН

Победу одержав в бою,
Уместно проявить восторженность свою;
Труднее, потерпев с позором пораженье,
Достойное хранить при этом выраженье!

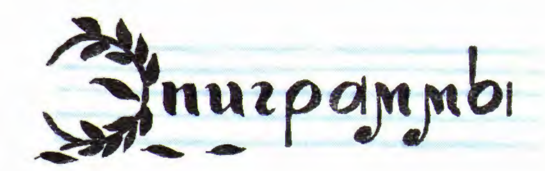
Один петух был слаб и глуп, но, как на грех,
Имел он в обществе успех.
(Подобных случаев, раздвинув рамки шире,
Немало мы найдём не только в птичьем мире,—
Такой идёт недаром слух.)
Так вот, однажды сей петух,
Хоть и нескладный, но горячий,
Цыплёнка крупного какого-то задел.
Тот дал, как говорится, сдачи —
И поединок закипел!
Заметить надобно, однако,
Что забияка,
Тот сверхзадиристый петух,
Цыплёнком был растерзан в прах и пух.
Он испустил бы свой петуший дух,
И тут ему за упокой бы спели,
Когда бы растащить их не успели.
Тогда, взъерошен и растрёпан весь,
Но сохранив былую спесь,
Петух сказал: — Прекрасно!
Я сам когда-то был
Задира первоклассный!
Ценю я молодости пыл!
При этой похвальбе надменной
Другой петух — старик солидный и степенный —
Не удержался от смешка.
Тут показалось фанфарону,
Что потерпеть не сможет он урону,
И вмиг вцепился в старика.
Но оказался тот не робкого десятка:
Он хвастуну порвал весь гребешок,
Едва не стёр его в мельчайший порошок.
И вообще пришлось зачинщику не сладко.
Но фанфарон и тут заметил свысока:
— Ну, что же, я уважил старика!
Когда бы был он помоложе,
Я с ним бы обошёлся строже!

ИСТИНА И ШУТКА

Однажды Истина нагая
Из тьмы пещерной вырвалась на свет,
Согбенная под грузом многих лет,
Измученная, старая, седая...
И малых и больших пугая,
Она нигде себе приюта не нашла.
И тут-то с Шуткой повстречалась,
А Шутка та была
Изящна и мила —
Она принцессою казалась.
— Мой бог! — воскликнула она.— Скажи серьёзно,
Что делаешь ты здесь, одна, на холоду!
А Истина в ответ:
— Как видишь, мёрзну
И помощи ни от кого не жду!
Прохожие к моим стенаньям глухи,
Меня пугаются они.
Какая радость от такой старухи!
Тут Шутка молвила:
— Ты всё же мне сродни,
И я тебя корить не буду.
Меня, как видишь, принимают всюду,
Тебя же гонят прочь! А отчего!
Нельзя же в свет являться без всего!
Никак нельзя. Скажу тебе по чести:
Ведь мы, в конце концов, идём одним путём.
Дай я тебя своим окутаю плащом,
И двинемся в дорогу вместе.
Благодаря тебе все мудрецы
Поймут заветные скрижали,
А я уж постараюсь, чтоб глупцы
Тебя отнюдь не обижали.
Так мы проделаем маршрут,
И, ежели твою высокую идею
Удастся совместить с остротою моею,
Нас все узнают, все поймут!

Перевёл с французского АРГО.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Ю. Шапорину

Оперу «Декабристы» композитор Шапорин писал свыше 25 лет.

Приветствуем тебя, маститый наш
творец!
Ты оперу свою закончил наконец.
И пожелать теперь немного нам
осталось:
Чтоб шла она не меньше, чем
писалась.

Маститому симфонисту

На современном музыкальном фоне
Сей мастер выглядит фигурой не
простой:
Пятнадцать им написано симфоний,
Но нет меж них ни «Пятой»,
ни «Шестой»!

ВОГНАЛИ В КРАСКУ

Рисунок Бориса ЛЕО.

Идут, прохожих задевая,
Орут, бранятся, всем грубят,
И даже баба снеговая
Краснеет, слушая ребят.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

ПОСЛЕ РЕМОНТА

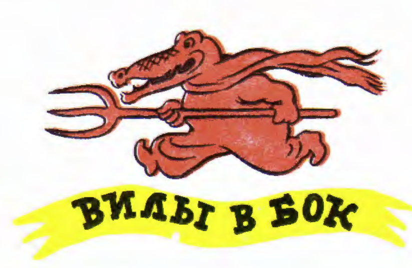

— И надо ж было тебе с гладкой дороги в поле сворачивать!

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

Многие работники профсоюзных организаций ещё не отказались от «бумажного» стиля руководства.

— Вы что ищете?
— Председателя завкома.

ЦВЕТЫ КРАСНОРЕЧИЯ

По всему Уразовскому району, Белгородской области, славится своими ораторами колхоз имени Горького. Прямо заслушаешься, когда на артельном собрании выступают один за другим бухгалтер Шевченко, заведующий молочно-товарной фермой Скибенко, садовод Ямпольский и член правления Косов.

О чём говорят ораторы? Они неустанно, со всем присущим им даром красноречия толкуют об одном и том же:

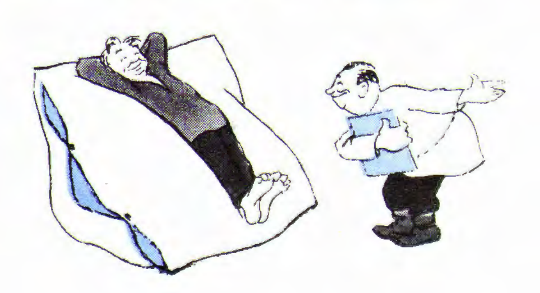
— Товарищи колхозники! Нам нужна высокая трудовая дисциплина! Сделаем выводы, товарищи!

Но, как ни странно, эти прекрасные речи не производят должного действия. Им не внимают... даже собственные супруги всех перечисленных ораторов, демонстративно отлынивающие от всякой колхозной работы. Что же касается других лодырей...

Поучительную картину можно было наблюдать здесь прошлым летом. На полях колхоза не покладая рук трудились работники райпромкомбината, райздравотдела, райфо и даже школьники. А тем временем десятки колхозников с превеликой энергией возделывали свои личные огороды и занимались прибыльной «коммерцией» на рынке.

Пылкие речи о пользе дисциплины звучат здесь и сейчас. Им нередко вторит издали жалобный рёв скотины, которую работники молочно-товарной фермы «забывают» во-время напоить и накормить. А в амбарах тихо лежат неочищенные и заражённые клещом семена...

Мы сказали вначале, что колхоз имени Горького славится по району своими ораторами. Но не только этим славен колхоз. Он известен ещё необыкновенной деликатностью своего председателя тов. Гапочкина и секретаря парторганизации тов. Зинченко. Трудно даже передать, как мягко, как деликатно относятся они к лодырям и краснобаям!

СУДЕБНАЯ ТАЙНОПИСЬ

Учёные смогли расшифровать древнейшую клинопись. Прочитать криптографическое, то есть тайное, условное, письмо для них не составляет особой трудности. Но несомненно, что они встали бы в тупик, столкнувшись с деловыми бумагами, подписанными судьёй 2-го участка, Лабинского района, Краснодарского края, тов. Сердиновым.

Вот, к примеру, с какой «тайнописью» пришлось бы им познакомиться. Цитируем ответ тов. Сердинова за № Н-12 на заявление гражданки К. из города Очакова:

«На Ваше заявление по вопросу расторжения брака с Пироговым Василием Георгиевичем Народный суд вызвал Пирогова и разъяснив порядок расторжения брака, он в соответствии закона будет оформлять. Народный Суд просит сообщить можите Что не возражает выехать, тогда высылаем повестку...

Все исходит за прежних семейных отношений которые надо в дальнейшем не допускать, он также предупрежден и обещал подобных случаев не допускать, о чём сообщаем».

Попробуй-ка доберись тут до смысла!

Трудно сказать, зачем понадобилась судье криптография в деловой переписке. Во всяком случае, тайнописи, которая приводит к путанице в делах, «надо,— выражаясь словами судьи Сердинова,— в дальнейшем не допускать».

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ КРОКОДИЛ!

Спешу сообщить тебе радостную весть. Директор Черниковского ремонтно-механического завода Павел Петрович Даниленко наладил у себя дома производство колбасы. Таким образом, Башкирия обогатилась ещё одним кустарным предприятием. Правда, его продукция вряд ли будет иметь влияние на колбасный баланс города. Она рассчитана лишь на удовлетворение повседневных нужд семьи Павла Петровича.

Интересна история возникновения предприятия. Началось с того, что Павел Петрович взял автобус для поездки в г. Бугульму. Официальная версия гласила, что автобус предназначается для перевозки револьверного станка, крайне необходимого заводу. Однако взамен станка Павел Петрович привёз солидную партию мяса, а его шофёр — живую свинью. Тут-то во весь рост встал вопрос о том, как бы переработать мясные запасы. Меднику товарищу Новенчину была заказана специальная машинка для производства колбасы. Когда она была установлена, начался выпуск продукции на радость родным и домочадцам.

В связи с этим хочется отметить удивительную способность Павла Петровича приспосабливать производственные и материальные ресурсы ремонтно-механического завода для своих нужд. Вот, скажем, захотелось Павлу Петровичу привезти на каникулы из Львова двух своих сыновей, которые воспитываются у первой жены. Из заводской кассы изымается свыше полутора тысяч рублей для перевозки детей на «постоянное местожительство». Кончились каникулы. Сыновьям нужно уезжать. К ним приставляется начальник производственно-планового отдела Байдаков. По выдуманному поводу он командируется во Львов. Таким образом, сыновний визит обошёлся заводу в 4 155 рублей.

Оказывается, можно быть чутким отцом за счёт государства.

Неустанные заботы о повышении своего благосостояния как-то не дают возможности Павлу Петровичу вплотную заняться делами завода.

— Руки до всего не доходят! — жалуется он.

В частности, не доходят они до производственного плана. За 10 месяцев прошлого года вместо 42 машин завод отремонтировал всего 15. И это обошлось государству в 572 тысячи рублей. В среднем 38 тысяч на машину. Иными словами, дешевле купить новый автомобиль, чем ремонтировать старый на Черниковском заводе.

Не помогает делу и широко разветвлённый административно-хозяйственный аппарат, который денно и нощно призывает производственников добиваться новых побед. Дружные голоса канцеляристов иногда заглушают шум моторов. Ведь на заводе на каждого третьего рабочего приходится один служащий.

Но все эти производственные неурядицы не могут, разумеется, оторвать Павла Петровича от колбасного станка или же от заводской кассы, которую иногда рассеянный директор путает с собственным карманом.

Привет и наилучшие пожелания.

«ХЭНЭК»,
башкирский журнал политической сатиры.

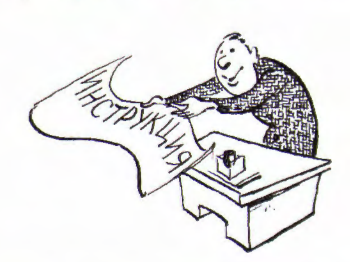
Дорогой КРОКОДИЛ!

О ненужном предмете обычно говорят: нужен, как собаке пятая нога. Слышали мы и другое выражение: нужен, как предисловие к ненаписанной книге.

У нас же на эту тему сложилась новая поговорка. Произошло это так.

Работники крайсельхозуправления с энергией, достойной лучшего применения, забрасывают Удерейский район бесконечными директивами и инструкциями. В них обстоятельно рассказывается, как следует подсушивать семенное зерно на сушилках, какую пользу это принесёт будущему урожаю. Все колхозники района назубок знают, как нужно укладывать зерно для просушки, какой должна быть температура нагрева.

Остановка теперь только за пустяком: нет у нас к этим прекрасным инструкциям маленького приложения — самой зерносушилки. Не присылает её крайсельхозуправление! И поэтому сейчас колхозники о бесполезности, ненужности чего-либо говорят: нужен, как инструкция без зерносушилки.

В. МЕЛЬНИКОВ,
главный агроном.

Удерейская МТС Красноярского края.

ВЕЖЛИВОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— У нас сейчас совещание о культобслуживании, так что часок — другой придётся обождать.

Крокодил помог

В фельетоне «У телефона мама» («Крокодил» № 34 за 1955 год) рассказывалось о председателе Лениногорского городского Совета депутатов трудящихся Есебергеневе, допустившем оскорбительно грубое обращение с учителем Воробьёвым.

Фельетон обсуждался на бюро Восточно-Казахстанского обкома КП Казахстана. Есебергеневу вынесен выговор с занесением в учётную карточку.

●

В № 1 журнала «Крокодил» за текущий год опубликовано письмо И. Басенко «Товарищ Крокодил» о бесхозяйственном отношении к ценным сельскохозяйственным машинам в Ейском, Армавирском, Тихорецком и других совхозах Краснодарского края. На лиц, допустивших бесхозяйственное хранение и использование машин, Краснодарским краевым управлением совхозов наложены административные взыскания с возмещением убытков.

Излишнее оборудование перераспределено по другим совхозам.

●

В № 2 журнала помещён рисунок Г. Валька, изображавший длинную очередь граждан города Семипалатинска, ожидающих автобуса.

Министерство автотранспорта и шоссейных дорог КазССР проверило работу автобусного парка Семипалатинска и выделило дополнительные машины.

Теперь в городе ежедневно курсируют 28—30 автобусов вместо 18—22, работавших в 1955 году.

●

Жители города Кирса (Кировская область) обратились в редакцию «Крокодила» с просьбой помочь Кирсовской больнице получить санитарную машину «Скорой помощи», чего больница не могла добиться несколько лет.

Машина «Скорой помощи» больницей получена.

●

Пионеры Ворошиловского района (Ставропольский край) обратились к «Крокодилу» с просьбой посодействовать открытию районного Дома пионеров.

Районный Дом пионеров открыт. Работает 6 кружков, в которых занято 200 пионеров.

●

Рабочие совхоза имени Калинина (Омская область) пожаловались «Крокодилу» на то, что в их домах нет электрического освещения, а в совхозном клубе нет стульев.

В настоящее время электричество в квартиры рабочих и служащих совхоза проведено, клуб оборудован скамейками.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00770. Изд. № 264. Подписано к печати 20/III 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 787. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

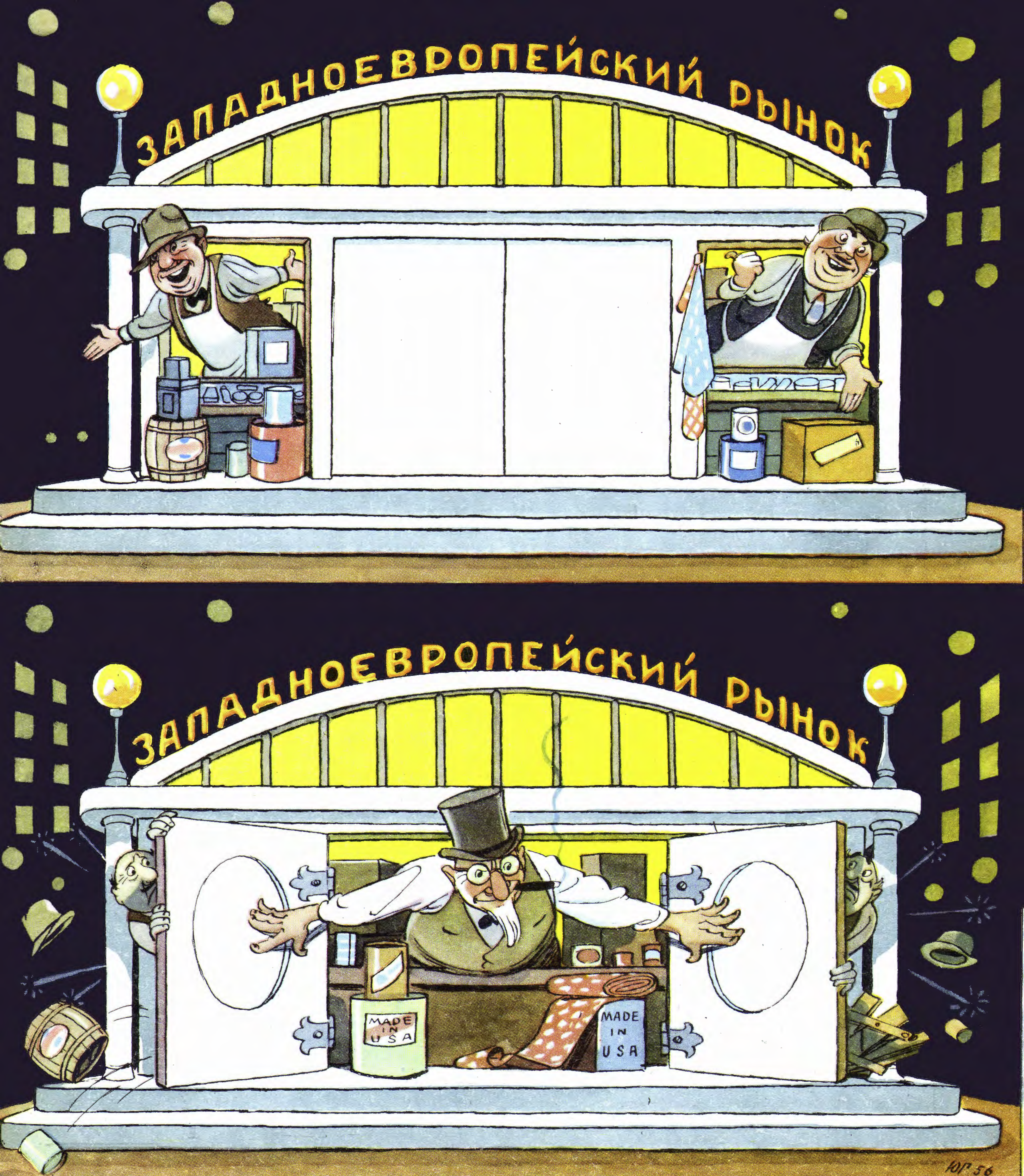

Рисунок Ю. ГАНФА.

Торговая политика «открытых дверей»